

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ИМПЕРИИ

Представляя Вашему Величеству продолжение известных Вам бумаг о составе Уложения, долгом правды и личной моей к Вам приверженности считаю подвергнуть усмотрению Вашему следующие размышления мои о способах, коими подобные сему предположения, если они приняты будут Вашим Величеством, могут приведены быть в действие.

История России от времен Петра I представляет беспрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство, или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали.

При издании самых благоразумных и спасительных законов вопрос, на чем они основаны и что может удостоверить их действие, сей вопрос оставался всегда не разрешенным, и в сердце народа умерщвлял всю силу их и доверенность.

Сему иначе и быть невозможно. Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержавая быть ему повелит. Воссядет на престол дух сильный и предприимчивый, один из сих духов, что небо посылает на землю для преобращения судьбы царств, он пожелает народ грубый и упрямый одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили, — и царство сие покроется всем блеском заимственного просвещения. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устройства заставят возмечтать народ, что он все сделал, нарядившись в чужое

платье и переменив внешний свой вид. С сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей обратится в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займется украшением поверхностей и, введя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменили самое существо его, — позлатят цепи свои и нарекут себя свободными. Ослепясь призраками роскоши и меняя кровавый пот на игрушки, возмечтают, что обогатились торговлею. Откроются академии, явятся Бернулли и Ридингеры, прославятся в Европе деяния мудрых, а народ чтение грамоты будет считать еще между смертными грехами. Таким образом пройдет и другое царство по глубокой бразде, проложенной первым. Обуреваемый царедворскими интригами, престол достанется властолюбивым министрам, кои под именем восседающей на нем слабости дозволят себе в европейском государстве самые азиатские жестокости и самовластие. Народ, угнетенный под сим ярмом, переведет дух при царстве милости и благочестия, и хотя судьба его в существе своем не переменится, но сладкая уверенность владеющего милосердия поддержит несколько дух его от падения.

За сим вскоре настанет царство мудрости и истинного просвещения, в первых его эпохах везде прольется дух жизни и ободрения, злоупотребления обычаем, в закон превращенные, обнаружатся, многие части правления примут постоянный вид и образование. Государственная экономия приведется в некоторую известность. Положатся великие основания самого образа правления, но обстоятельства личные, огромность самого плана, уверение, что народ любит свое рабство и не созрел еще для политического бытия, наконец, война и виды внешней славы увлекут внимание в другую сторону. При всем том, однако же, точки доброго порядка, в разных местах назначенные, останутся неизгладимы. Люди познакомятся с именами прав, законов, преимуществ, свободы; и таково есть свойство человеческого разума и очарование надежды, что, любуясь сими именами, он еще раз обманется и будет думать, что обладает самыми вещами. Горестный опыт выведет его из сего заблуждения. Наконец, явится благотворительный гений с самыми счастливейшими расположениями разума и воли, какие небо для блаженства народов вдохнуть смертному может. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, рассыпав облако предубеждений, увидит, сколь не твердо политическое его бытие и сколь тщетно иметь права на словах, не имея их на деле; с другой стороны, ужасы смежных

преобращений, устранив самых дерзновеннейших, научат по окончании их различать истинную свободу от ложной; докажут и кровавыми чертами на сердцах все изобразят, что свобода не что другое есть, как закон, равно на всех действующий и все объемлющий; что метафизические понятия о правах человека ведут только к безначалию, злу, стократно горшему, нежели самое жестокое самовластие; наконец, он придет в такую эпоху, когда народ почувствует нужду лучшего устройства, но в то же время будет знать и пределы перемен. Россия узрит в нем своего ангела-хранителя. Любовь к нему будет одно и то же с любовью к отечеству. Самые холодные эгоисты будут притворяться, что к нему привязаны, для того только, чтоб не считали их извергами общества; дерзкая и мелкая предприимчивость будет пресмыкаться во мраке и имя ее будет неизвестно. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, приученный крутостью к повиновению и облежимый воинскими и политическими силами, а с другой — плененный образом его мыслей, убежденный в добрых намерениях своего гения, жаждущий быть счастливым и верующий в душе своей, что он на сей раз уже обманут не будет, ожидает только мановения его, чтоб двинуться, куда он повелит; он придет в такие лета, когда предрассудки политические, когда болезни и страсти не помрачили еще его разума, когда медлительная и робкая старость не поколебала еще его воли, когда, одетый всем могуществом физической и моральной природы, он тем сильнее может устремить взор своей к совершенству, что может обещать себе видеть конец и совершение великих своих дел, слышать сердечные благословения миллионов, им осчастливленных, чувствовать Россию устроенную, упокоенную, превознесенную, и имя его, составляющее в летописях мира эпоху великого царства. В какое время, в каких обстоятельствах, с какими счастливыми расположениями он придет! Какое поле славы для него откроется! Но и какие трудности его ожидают! Он найдет множество добрых начинаний, испровергнутых или упавших прежде, нежели успели они утвердиться. Он будет искать плана, коему доселе следовали в правлении, и не найдет его, ибо план сей переменялся с образом мыслей тех, кои управляли. Он призовет к себе из мрака уединения людей, кои некогда управляли государственными делами, но в людях сих найдет он, по большей части, застарелые предрассудки, механический разум примеров, а не разум собственного размышления, недостаток сердечной теплоты к общему благу, личные виды,

дух партий и дух властолюбия. И как разум посредственный никогда не умеет оценить разума превосходного, то все сии люди почтут себя рожденными учить и наставлять его. Не познав ни пространства его видов, ни возвышения его характера, они будут измерять его собою и, пользуясь единым сравнением лет и опыта, возмечтают давать ему уроки: «Будь государем деспотическим, — одни ему скажут. — Россия так разнообразна, так обширна, так мало просвещенна, что один сей образ правления может быть ей спасителен; оставь только нас визирями и менее внемли подробностям народного вопля, будь уверен, впрочем, что все будут счастливы». «Будь монархом, — скажут другие, — то есть не вверяй власти своей лицам, но поставь во уважение места, дай им права и преимуществ, и подобно лучшим из твоих предшественников, покрыв монархическими именами и формами сильное влияние вельмож, дозволь им управлять под твоим именем неограниченно. Народ будет, конечно, счастлив, когда будешь ты смотреть на него чрез сию призму. Впрочем, мы приемлем на себя еще раз уверить его, что он управляется ни волею твоею, ни нашими советами, но единым законом; и хотя закон сей будет сделан без его согласия, хотя всегда будет в твоей власти переменить его, но народ будет в нем уверен и заснет на сем уверении, подобно как он и прежде спал на нем и доселе был бы покоен, ежели б не разбудили его неосторожными и крутыми переменами». «Мы боимся всяких новостей, — представят иные. — Россия долго стояла покойно в настоящем ее положении. Все были счастливы, то есть те, кои имели большие доходы, проживали их в удовольствии, бедные работали, богатые пользовались трудами рук их и за то ими управляли. Все было в порядке и в приятной взаимности. Всякая перемена раздвигает мысли народные, по крайней мере на несколько линий, а размышление всегда народу вредно. Известно, что французская революция произошла от книг». «Здесь все надобно переделать, — возопиют другие. — Это варварская страна, не имеющая и первых начал того благоустроенного образования, которое мы в других государствах видим. Здесь все экономические системы ложны, установления неправильны, законы ничтожны. Народ в невежестве и страдании. Все требует руки творческой, а не способов исправления. Зло так велико, что и добра из него извлечь не можно. Надобно вырвать с корнем сей огромный дуб, приносящий только желуди, и на месте его насадить виноград». Кто прав, кто виноват из сих толь разнородных мудрецов? По

счастью, самое противоречие их мнений ослабит к ним веру; по счастью, гений доброго разума, неразлучный с духом осторожности, отвергнет от себя и наветы равнодушия, и замашки любоначала, и пылкость преобразителей; он познает, что первые происходят, может быть, и от добрых намерений, но основаны на ложных началах, привычкою самовластного управления внушенных и в полицейском надзоре полагающих народное благосостояние; что вторые приучились давать народу слова за вещи и в смешении понятий, в уважении мест, из них составленных, искать способов поддержать собственное их возвышение; что третьи боятся перемены потому, что переменить самих себя находят уже не в силах; что, наконец, последние забывают, что все царства земные идут к совершенству временем и постепенностью, что всякая страна имеет свою физиогномию, природою и веками ей данную, что хотеть все переделать есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений; что часто и самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются; что, во всяком случае, не народ к правлению, но правление к народу прилагать должно. Он познает все сие и удержит колесо правления в том тихом движении, которое даст ему способы избрать вернее истинную сторону его обращения. Между тем, однако же, время летит. Пройдет год, пройдет и другой, он рассыплет в народ тысячи благодеяний, поставит на мере множество справедливых и добрых учреждений, ободрит надежды, усладит самые горести, сделает довольно для того, чтоб царство его было счастливо, но мало к тому, чтоб счастье России было непоколебимо. От утра до глубокой ночи кабинет его будут облежать министры, все, работая без общего плана и идя в разные стороны, они будут ему представлять вместо дел частные подробности, развлекут, рассыплют его внимание, и, исчисляя дела количеством бумаг, может быть, захотят уверить его, что судьба царства Российского зависит от передачи дел из одних рук в другие, потщатся уверить его, что не только они делают все наилучшим образом, но что и делать сего иначе невозможно и что высокое звание устраять народное счастье в существе своем есть самая скучная наука подробностей и работа не ума, но терпения.

Найдутся, конечно, люди, кои, став выше общих видов корысти и любоначала, осмелятся размышления свои приблизить к тому высокому порядку вещей, который один

считают они тебя достойным, кои, быв одушевлены доверием к тебе, любя в тебе не государя всемогущего, но человека, предоставленного самою судьбою и обстоятельствами к возрождению великого царства, осмелятся представить тебе истины, от общего понятия весьма различные. Они тебе скажут:

Если, забыв надежды, с восшествием твоим на престол просвещеннейшею частью народа твоего восприятые, и презрев степень просвещения, на коем и самые гордые враги России ее ставят; если, страшась перемен или обольщен наружною простотою деспотической власти, почтешь ты в душе твоей сей образ правления приличнейшим для России, может быть, государь, что царство твое протечет не только мирно, но и народы твои, покоясь под твоим скипетром, заснут в приятном мечтании, но сей сон не будет ни продолжителен, ни естествен, это будет сон расслабления, они возбуждятся от него и найдут себя в бездне рабства, тем опаснейшего, что ни сил переносить с терпением его, ни средств избавиться его без перелома не найдут. Тогда бешенство страстей народных, неминуемое следствие слабости, заступит место силы и благоразумия. Необузданная вольность и безначалие представятся единым средством к свободе. Последствия сего расположения мыслей столько же будут ужасны, как и неисчислимы, но таковы всегда были превращения царств деспотических, когда народ их начинал. Положим, однако же, что действием благоразумного правительства цепи народа так волшебным образом составятся, что он никогда разорвать их или не захочет, или не будет в силах; положим, что никакое обстоятельство не возмутит того глубокого сна, в коем он будет погружен, но, чтоб продолжить сей мнимый покой, надобно, чтоб правительство было справедливо. Ты пожелаешь быть справедливым, все добрые государи сего желали, и самовластнейшие из них считали себя таковыми, но министры их всегда были пристрастны, ибо дух людей всегда соображается с духом правления. В самом деле, какое владычествующее побуждение могут иметь люди в таком образе правления, где судьба их зависит от воли и хотения одного человека? Не на том ли безопасности каждого из них должна быть основана, чтоб взгляд немилости, могущий лишить их всех политических прав, не мог проникнуть в недро семейного их счастья, и если не могут они быть независимо почтенными, то не осталось ли им желать быть независимо богатыми. Вот откуда происходит то великое правило, что корысть есть движущее начало всех деспотических правительств и вот для

чего в Турции так, как и в других известных царствах, все важные дела решаются мешками секинов, и никогда корыстолюбие столь сильно душами не обладает, как при неограниченном правлении.

Среди сей толпы рабов, гордящихся минутным блеском милости, найдутся, может быть, люди с твердыми началами, с возвышенным образом мыслей, неприступные очарованиям корысти и любящие единую правду. Но каким образом, по каким признакам узнаешь ты сих людей — не все ли вокруг тебя будут в одной личине? И если проницательностью твоего ума сорвешь ты несколько раз сию личину, сей горестный и часто повторяемый опыт не поселит ли недоверчивости в душе твоей? Недоверчивость сия не смешает ли, часто по необходимости, правого с виновным? И как ощущение чести во всех душах возвышенных весьма нежно, то не поколеблет ли недоверчивость сия их правил? Как скоро убедятся они, что доверенности твоей не имеют, а без нее в правлении самовластным никому нельзя действовать, они найдут себя принужденными или смотреть на все с равнодушием, или удалиться в уединение.

Но я предполагаю, что судьба твоя и личная любовь к твоим свойствам произведут чудо в деспотическом царстве, что ты найдешь одного, двух, даже трех министров беспристрастных, деятельных, просвещенных, непоколебимых. Ты, конечно, не захочешь, однако, чтоб судьба царства твоего от них единственно зависела. Ты пожелаешь сам управлять народом, тебе вверенным от Бога. Но каким образом можешь ты самому себе обещать, что никогда никакое облако человеческой слабости не покроет ясности твоих понятий в сей бесчисленности дел, тебя окружающих и от твоего решения зависящих? Каким образом можешь ты себе обещать, чтоб в качестве законодателя, верховного судии и исполнителя своих законов все видеть, все знать, всех исправлять, все приводить в движение и никогда не ошибаться? Чтоб быть деспотом справедливым, надобно быть почти Богом.

Итак, по всей необходимости, должен ты будешь вверить великую часть дел твоих местам, тобою установленным, а чтоб дать сим местам некоторую тень бытия политического, ты оставишь им монархические формы, введенные твоими предшественниками, и действия воли твоей неограниченной назовешь законами Империи. Но места сии, быв составлены из лиц, переменят ли тем существо свое? Завися в самом бытии своем от единого твоего хотения, возвысят ли они правила

свои до понятия независимой чести и любви к отечеству? Сокроют ли от тебя унижающее их рабство? В силах ли будут отвратить объемлющее их влияние вельмож? Ты пожелаешь почестями и знаками твоего уважения возвысить их в собственных их глазах, дашь более пространства их власти, покроешь их всем могуществом твоего доверия — но самое сие доверие покажет им, что сила их от тебя единого происходит, и следовательно, тебе единому угождать и служить они обязаны. Не быв никакими пользами соединены с народом, они на угнетении его оснуют свое величие, они будут править всем самовластно, а ими управлять будут вельможи, наиболее тобою отличающиеся, и вот для чего, между прочим, вельможи сии столь сильно проповедуют сию систему. Таким образом, монархические виды послужат только покрывалом страстям и корыстолюбию, а существо правления останется неизменным. Угнетение тем будет несноснее, что оно покроется законом.

Итак, открытым ли самовластием будет правима Россия, или скипетр твой позлатится монархическими призраками, государство в обоих сих случаях не избегнет своего рока. Ты должен будешь отказаться:

1) от всякой мысли о твердости и постоянстве законов, ибо в сем правлении законов быть не может;

2) от всех предприятий народного просвещения. Правило сие должно принять столько же из человеколюбия, ибо ничто не может быть несчастнее раба просвещенного, как и из доброй политики, ибо всякое просвещение (я разумею общее народное) вредно сему образу правления и может только произвести смятение и непокоривость;

3) от всех предприятий утоненной народной промышленности: я разумею все фабрики и заведения, на свободных художествах основанные или близко с ними связь имеющие;

4) от всякого возвышения в народном характере, ибо раб иметь его не может. Он может быть здоров и крепок в силах телесных, но никогда не должен быть способен к великим предприятиям. Есть, конечно, исключения, но они не испровергают правила;

5) от всякого чувствительного возвышения народного богатства, ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности, а без законов она быть не может;

6) еще более должно отказаться от улучшения домашнего состояния низшего класса народа. Избытки его всегда будут пожираемы роскошью класса высшего;

7) словом, должно отказаться от всех прочных устроений, не на лице государя владеющего, но на порядке вещей основанных, и царство твое, столь многое обещавшее, будет царство обыкновенное, покойное, может быть блистательное, но для прочного счастья России ничтожное.

Оно будет таково, если при том чудесною какою силою преградишь ты сие прелияние мыслей соседственных, столь чувствительно действующих на мысли твоего народа, если, усугубив действие надзора, пресечешь ты все пути к его просвещению, если, предупреждая всякое соединение пользы его, не престанешь ты раздроблять их и тем содержать силы его в ничтожестве. Если престол твой будет непрерывно окружен всем блеском великолепия и народу твоему не иначе будешь ты являться, как в облаке света и пышных мечтаний, царство твое будет покойно. Но если, предаваясь естественному влечению твоему к истине и человечеству, позволишь ты вход к просвещению, если не воспретишь народу размышлять о пользах государственных и почерпать свои размышления во внешних источниках, если, чувствуя себя довольно великим, чтоб не иметь нужды всегда стоять на подножии твоего трона, отвергнешь ты от себя предрассудки пышности и рассыплешь мечты великолепия, государь, тебе труднее тогда будет править государством по твоей воле и держать рабов в повиновении, нежели управлять по закону и обладать сердцами твоих подданных. Истинны они будут, может быть, к сердцу твоему и собственным твоим размышлениям близки, но, приходя к тебе с разных сторон, они все могут быть более или менее справедливы и все, однако же, между собою различны. Если не будет постановлено между ними сравнения, если не приведутся они в одну систему, они не произведут никогда постоянного и сильного действия.

Если установление всякого частного заведения требует общего соображения всех видов, в состав его входящих, если известное сословие умов нужным считается к сему соображению, то каким образом установление великого государства, план, на коем бытие его на цел столетия должно быть основано, может возникнуть из частных мыслей, друг друга пересекающих, хотя и от одного начала идущих.

Я не могу без душевного унижения и помыслить, чтоб Российское государство столько было от небес оставлено, чтоб не можно было в нем найти столько просвещенных умов и столько теплых ко благу общему сердец, сколько может быть нужно к составлению такового сословия.

Покрытое непроницаемою тайною, от истинного просвещения всегда почти неразлучною, сословие сие, соединив в одну точку зрения все предметы, к Государственному Положению относящиеся, из соображения их извлечет полный план, на коем все действие должно быть основано. И когда план сей зрелым размышлением доведен будет до всего возможного совершенства, оно обратится к средствам, коими должно производить его в действие.

Средства сии могут быть двояки: одни должны приуготовить только действие, другие непосредственно открывать его.

Есть множество учреждений, совместных даже и с настоящим образом правительства, коих дух мог бы быть обращен на приуготовление к будущему. С другой стороны, в обыкновенном движении дел часто происходят без внимания важные обстоятельства, будущий порядок вещей весьма затруднить могущие. Чтоб из многих примеров привести одни наиболее ощутительные, я уверен, что самое утверждение Дворянской Грамоты и Городового Положения не могло бы иметь места, если бы Государственное Положение имело свое начертание.

В государстве монархическом, конечно, должен быть известный класс людей, особенно предуготовленных к охране закона. Но сей класс людей никак не может быть установлен на тех деспотических началах, на коих грамота дворянства основана. Его привилегия рабов, уполномочивающая их тяжесть цепей, ими влачимых, возлагать на других, слабейших. Какую связь пользы дворянство сие имеет с народом? Не на исключительном ли праве владения земель и людей, как вещественной собственности, основаны главные его преимущества? Не от суда ли самовластного, государем устанавливаемого, зависит имение и лицо дворянина? Не четырнадцать ли раз каждый дворянин, переходя из класса в класс, чувствует на себе силу неограниченной воли, и не четырнадцать ли раз, привязываясь к сей воле, отторгается он от народа?

Городовое Положение, раздробляя народ на столько разных классов, сколько есть промыслов, отъемлет то у одного, что дает другому и, таким образом, углубляет последний класс людей, и наиболее полезный, еще более в ничтожество и, таким образом, разрывая единство в народе, всю силу его испровергает.

Множество привилегий, разным провинциям подтвержденных, не более представляют сообразности с духом истинного единогодержавия, как и сии две грамоты.

Предположение о так называемом преобразовании Сената было бы не менее сего несходно с истинными началами благоустроенной монархии, в которой место, охраняющее закон, должно иметь нечто более, нежели пустые выражения прав и преимуществ.

Недавно рассуждали в Сенате, должно ли местам судебным, составленным из трех состояний, предоставить совокупность в решении дел, — положение сие было бы чертою соединения между дворянством и народом. Несогласие одного или двух членов увлекло голоса в противную сторону, и сторона сия удостоена утверждения.

Таким-то образом правительство, действуя без плана, не только теряет время и случай к приуготовлению лучшего, но и заграждает себе пути, ставя в подвиге своем самому себе препятствия.

Но когда бы план сей существовал и когда бы известное небольшое сословие людей было поставлено к приведению его в действие, оно не только бы не попускало умножать препятствий к лучшему порядку, но и приуготовляло бы сей порядок предварительными установлениями.

Действием сего сословия разные части правительства, приготавлиаясь издалека и постепенно в середине царства самовластного, положили бы основание царства монархического и, развивая сии начала мало-помалу, без крутости, без переломов, нечувствительно и даже для простого глазу, не приметно воздвигали бы под завесою настоящего правительства новое здание на столпах разума и законов, и когда бы время пришло сорвать сию завесу, народ спросил бы себя с удовольствием, кто и каким образом перенес его столь нечувствительно из царства тьмы и уничтожения в царство света и свободы?

Учредив внутренний свой порядок на правилах, кои бы всякое смешение понятий и бесполезные прения удаляли, сословие сие, тебе единому известное и от мановения твоего зависящее, могло бы назначить себе следующие предметы.

I. Соображение всех предположений, в разные времена сделанных, относительно общего государственного положения России.

II. Извлечение из сил предположений лучших правил, приведение их в систему и составление коренных законов.

III. Постановление сим коренным законом основания твердого и непреложного не во внешних учреждениях, но в

силе, или, лучше сказать, в связи и соединении самых ясных польз народа.

IV. Изыскание средств, коими сии коренные законы могут быть поставлены на своем основании и введены в действие без всяких политических переломов.

V. Постепенное приведение сих средств к исполнению и предостережение всех препятствий, какие им обыкновенное течение дел по настоящей системе противопоставить может.

Я знаю, государь, что сии пять предметов столь обширны, столь трудны, что каждый из них будет требовать времени и усиленных размышлений, чтобы привести его в надлежащую ясность, но самая сия трудность доказывает, с одной стороны, что учреждение таковое необходимо, а с другой — что время, протекшее без сего учреждения, потеряно для прочного государства положения.

Если бы Вам угодно было, государь, принять мысли сии основательными, можно бы было представить и подробнейший план таковому сословию.

Я смею ручаться, государь, что из всего, что доселе Вы для счастья России сделали, учреждение сие, может быть наименее блистательное и даже совсем неизвестное, будет самое полезнейшее, ибо все прочее должно или на нем быть основано, или не будет иметь никакого основания.

1802 г.